

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЕ В АРХИТЕКТУРЕ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

Вл. В. Седов

Изучение зодчества Северо-Восточной Руси XVI столетия пока не привело к выделению отдельных типологических групп крестовокупольных храмов. В данной работе сделана попытка выделить по некоторым признакам группу четырехстолпных пятиглавых соборов середины XVI в. Исходной точкой послужил Богоявленский собор ростовского Авраамиева монастыря, сооруженный, судя по тексту описи XVII в., в 7063 г.¹ (1554/55 г.). Этот памятник имеет к настоящему времени довольно значительную историографию², но все же его изучение нельзя считать законченным. Прежде всего, недостаточно изучена типологическая схема основного четверика собора. Интерьеру четырехстолпного ядра Богоявленского собора посвящена статья А. Г. Мельника³, в которой обращено внимание на одинаковость длины рукавов креста, крестчатость столбов, их профилировку, повышенные подпружные арки, высокий центральный барабан. Особое внимание уделено сохранившимся элементам алтарной преграды — иконостаса, который, как выяснилось, был невысоким. А. Г. Мельник предполагает, что собор Авраамиева монастыря строился по образцу ростовского Успенского собора (крестчатые столбы, форма плана и арок, низкий иконостас, двусветность, оформление барабанов), но с существенными

упрощениями деталей и профилей⁴. Однако подобное объяснение не объясняет полностью формы интерьера и типологическую схему монастырского собора, тем более, что Успенский собор шестистолпный, а Богоявленский — четырехстолпный, т. е. относится к другой типологической группе.

Богоявленский собор имеет небольшие размеры основного четырехстолпного трехабсидного пятиглавого четверика (14×15 м, подкуольный квадрат 3,8×3,8 м). Собор поставлен на подклет, на выступах подклета расположены три придела, архитектура которых нами не рассматривается. В самой постановке на подклет для архитектуры XVI в. нет ничего необычного, причем подобная типология характерна для монастырских храмов. В пределах Ростовской епархии подклеты у четырехстолпных храмов известны в соборе Воскресенского Горицкого монастыря (1544 г.) и соборе Спасо-Прилуцкого монастыря (1537—1545 гг.). Кстати, в обоих памятниках уже есть попытки сопоставить основной четырехстолпный четверик с приделами: в Горицком соборе с севера расположен придел Одигитрии, в Прилуцком монастыре к с/з углу собора примыкает основание церкви-колокольни.

Ядро комплекса Авраамиева монастыря — собственно собор Богоявления — относится по общему типу к вполне характерной группе пятиглавых четырехстолпных храмов. Такие черты как равносторонность рукавов креста, крестчатые столбы и отсутствие внутренних лопаток создают ощущение, что зодчие знали почти ордерную «кристаллическую» италянизирующую архитектуру первой трети XVI в., но интерпретировали ее по-новому. Рукава креста не очень высокие, их своды несколько уплощены. Арки, соединяющие столбы со стенами, прорезаны значительно ниже пят сводов рукавов креста, что создает участки стен над арками, ограничивающие угловые компартименты. Крупные крестообразные столбы создают разнонаправленные силы, разделяющие пространственные ячейки. Повышенные подпружные арки под барабаном имеют полуциркульные очертания и небольшой подъем относительно сводов, что не создает эффекта «собирания» пространства из рукавов в центральный высокий барабан, а производит впечатление «приподнятой изолированности» основания барабана. Этому ощущению вторят угловые компартименты с гладями стен и низкими арками в рукава; в верхней части создаются довольно высокие глухие пеналы, переходящие через паруса в барабаны. Общий характер интерьера построен на контрасте рукавов креста, казалось бы создаю-

щих крестообразные горизонтальные направляющие, и пяти зрительно изолированных вертикальных компартиментов с барабанами, напоминающих столпообразные храмы. Этот контраст спокойного, камерного и вертикальных «прорывов», при отсутствии сильных профилировок, делает интерьер памятника очень своеобразным. «Мягкости» ограничивающих поверхностей четверика соответствует алтарная часть с круглящимися поверхностями конх абсид, не имеющих триумфальных арок и как бы вливающихся в пространство восточного рукава креста и восточных угловых компартиментов.

Описанный интерьер сильно отличается от помпезных, «широковещательных» интерьеров монументальных храмов середины XVI в., прежде всего от мощных пятиглавых соборов с пониженными подпружными арками: Никитского собора Никитского монастыря в Переславле-Залесском (после 1555 г.), собора Рождества Богородицы в Муроме (сер.—втор. пол. 1550-х гг.), Спасо-Преображенского собора Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале (1550—1560-е гг.), собора Федора Стратилата Федоровского монастыря в Переславле-Залесском (1560-е гг.). К указанным храмам по характеру пониженных подпружных арок примыкают: собор Рождества Богородицы в можайском Лужецком монастыре (1540-е гг. ?), Успенский собор в Перемышле (сер. XVI в.), церковь Белой Троицы в Твери (1564 г.). Очень далеки от собора Авраамиева монастыря и более изысканные и рафинированные храмы Тверской епархии: пятиглавые соборы с невыявленными подпружными арками («слитные своды») — Михаила Архангела в Микулине Городище (кон. 1550-х гг.) и Вознесения Оршина монастыря (1560-е гг.). К какой же традиции относится исследуемый памятник?

Само построение интерьера с низкими арками и обособлением угловых компартиментов, создание сочетания пространственного креста и пяти «столпов» восходит, по-видимому, к собору Успенского монастыря в Старице (1530 г.)⁵. В этом пятиглавом храме обособление центрального и угловых компартиментов достигнуто резким понижением углов и очень эффектным большим подъемом повышенных подпружных арок, что, в свою очередь, восходит к собору московского Рождественского монастыря (перв. треть XVI в.) и, через него, к собору Андроникова монастыря (кон. XIV—нач. XV в.). В соборе Авраамиева монастыря внешне угловые ячейки не понижены, небольшой подъем арок над сводами

рукавов сглаживает агрессивную декларативность членений возможного прототипа в Старице.

Отмеченной мягкости, сглаженности противоречий в интерьере собора Авраамиева монастыря соответствует равноконечность рукавов креста, которой нет ни в Успенском соборе в Старице, ни в Успенском соборе Ростова⁶. Подобный равноконечный крест имеет несколько более ранний пятиглавый собор Спасо-Прилуцкого монастыря (1537—1545 гг.), имеющий, правда, своды с невыявленными подпружными арками. Сопоставление с этим вологодским памятником заставляет внимательно присмотреться к другим возможным прототипам Богоявленского собора в пределах Ростовской епархии. Ведь необычность заказа, повлекшая за собой необычность композиции, не исключала возможности использования устоявшихся штампов ростовской школы, как мы видим, например, в приделах храма. Так, очень высокие барабаны мы видим в том же соборе Прилуцкого монастыря, где верх среднего барабана также имеет разделенные валиками полосы фризов. Эта деталь в Авраамиеве и Прилуцком соборах может восходить к Успенскому собору Ростова, но в первом памятнике не напрямую, а опосредованно. Так же не напрямую от ростовского городского собора были переданы и повышенные подпружные арки.

Как мы уже видели, в середине XVI в. чаще используются пониженные арки или «слитные своды». Если в XV в. повышенные подпружные арки использовались повсеместно в храмах Северо-Восточной Руси, то уже в первой трети XVI в. их все чаще вытесняют пониженные арки или «слитные своды»; ту же картину видим и в Ростовской земле. В пятиглавых соборах повышенные подпружные арки до 1550-х гг. встречаются всего два раза: в соборе Чудова монастыря (1501 г.) и Успенском соборе в Старице (1530 г.). Надо отметить, что в некоторых памятниках второй трети XVI в. вновь появляются повышенные подпружные арки, что, видимо, связано с некоторым движением вспять, архаизацией (можно даже сказать — «деитальянизацией»), которые характерны для указанного периода. В 1537 г. сооружается трехглавый собор Рождества Богородицы волоколамского Возмищенского монастыря, имеющий повышенные подпружные арки⁷, такую же систему сводов имеет одноглавый собор Горницкого монастыря (1544 г.)⁸, принадлежащий уже ростовской школе. В 1547 г. сооружается одноглавый собор Рождества Богородицы в Медведевой пустыни под Дмитро-

Вом, имеющий повышенные подпружные арки и сближаемый исследователями с белозерскими памятниками⁹. Названные три памятника связывают Богоявленский собор с архаизирующей традицией второй четверти XVI в.

Как выясняется, собор Авраамиева монастыря не был одиноким памятником, завершающим в своем четверике старую традицию. Характер перекрытия собора и, прежде всего, повышенные подпружные арки находят аналогию в соборе Спасского монастыря в Муроме. Постройка этого храма связана с активной строительной деятельностью Ивана Грозного в Муроме после взятия Казани в 1552 г. Пятиглавый четырехстолпный трехабсидный храм Спасского монастыря имеет по сравнению с Богоявленским собором даже более архаичную типологию с квадратными в плане столбами, повышенными подпружными арками и овальной формой угловых барабанов, получившейся от растянутости четверика в поперечном направлении. Собор также не имеет внутренних лопаток и карнизов, только угловые главы напоминают о времени его сооружения, общий же строй интерьера заставляет вспомнить архаические памятники первой трети XVI в.

Еще один пятиглавый четырехстолпный собор середины XVI в. находится уже в Ростовской епархии — это Введенский собор Корнилиево-Комельского монастыря, относящийся, видимо, ко втор. пол. 1550-х гг. В этом храме подклета нет, как и в Муроме, но есть повышенные подпружные арки¹⁰, этот разрушенный памятник мог быть ближайшей аналогией Богоявленского собора.

Достаточно близкой аналогией является собор Богоявленского монастыря в Костроме 1559—1565 гг., в строительстве которого, видимо, принимал участие ростовский архиепископ Никандр¹¹. Этот четырехстолпный трехабсидный пятиглавый храм поставлен, как и ростовский, на подклет. Крестчатые столбы с упрощенной профилировкой импостов, повышенные подпружные арки, а также отсутствие внутренних лопаток и карнизов создают пространство, принципиально схожее с Богоявленским собором. Аркатура на барабанах может восходить к ростовскому Успенскому собору, а килевидные закомары также продолжают традицию Авраамиева монастыря.

Описанные четыре четырехстолпных пятиглавых храма, три из которых связаны с Ростовской епархией, составляют ярко выраженную группу в архитектуре 1550—1560-х гг.

Эта группа, при всей своей современности архитектурным поискам первой половины царствования Ивана Грозного, несет на себе отпечаток архаичности и связана с стремлением мастеров использовать «московские» (восходящие к ранне-московским) формы и типологию, в том числе и повышенные подпружные арки.

Некоторые формы интерьера Богоявленского собора были использованы в более поздней ростовской архитектуре: крестообразные столбы с упрощенными профилировками использованы в двустолпном Благовещенском соборе Сольвычегодска (1560—1570-е гг.), повышенные подпружные арки появляются еще один раз в одноглавой надвратной церкви Иоанна Лествичника (1569—1572 гг.) Кирилло-Белозерского монастыря¹². В московской архитектуре повышенные подпружные арки появляются всего один раз — в соборе Рождества Богородицы Пафнутьева-Боровского монастыря 1584—1589 гг.¹³ А в полном объеме формы особой группы «архаизирующих» пятиглавых монастырских соборов середины XVI в. не нашли продолжения. Указанные памятники существенно дополняют картину русского зодчества времени Ивана Грозного.

¹ Титов А. А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., б. г. С. 105; Он же. Ростовский Богоявленский Авраамиев мужской монастырь Ярославской епархии. Сергиев Посад, 1894. С. 26—27.

² Фон Эдинг Б. Ростов Великий, Углич. М., б. г. С. 63—65; Ильин М. А., Максимов П. Н., Косточкин В. В. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. Т. 3. М., 1955. С. 466—468; Баниге В. С., Милорадович А. Н. Памятник казанской победы в Ростове // Краткие сообщения института археологии АН СССР. Вып. 139. М., 1974. С. 118—126; Милорадович А. Н. Исследование и реставрация сильно искаженного памятника архитектуры (Богоявленский собор в Ростове) // Методика и практика сохранения памятников архитектуры. М., 1974. С. 118—121; Баталов А. Л. Богоявленский собор ростовского Авраамиева монастыря и многопридельные храмы Северо-Восточной Руси второй половины XVI в. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1991. С. 21—23; Седов Вл. В. К вопросу о ростовской архитектурной школе XV—XVI вв. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1991. С. 19.

³ Мельник А. Г. Первоначальный интерьер Богоявленского собора ростовского Авраамиева монастыря // Сообщения Ростовского музея. Вып. 3. Ростов, 1992. С. 71—79.

⁴ Там же. С. 77—78; А. Г. Мельник указывает на схожую мысль у В. С. Баниге. — Покрытия ростовских архитектурных памятников XVI—XVII вв. // Древний Ростов / Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Вып. 1. Ярославль, 1958. С. 50.

⁵ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII века. М., 1936. С. 236—241.

⁶ Мельник А. Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 125—135.

⁷ Памятники архитектуры Московской области. Т. 1. М., 1975. С. 27—28; Демидов С. В. Новые исследования церкви Рождества Богородицы на Возмище в Волоколамске // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 3. М., 1990. С. 29—34.

⁸ Подъяпольский С. С. Собор белозерского Горицкого монастыря // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 334—339.

⁹ Памятники архитектуры Московской области. Т. 1. М., 1975. С. 84—85; Яганов А. В. Храмовая надпись в соборе Рождества Богородицы Медведевой пустыни. // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 194—198.

¹⁰ Подъяпольский С. С. Каменное зодчество Белозерья в конце XV и XVI веках. М., 1969. Дисс. ... канд. архит. С. 334—339.

¹¹ Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 31. СПб., 1909. С. 90—91.

¹² Подъяпольский С. С. Архитектура // Кочетков И. А., Лелекова О. В., Подъяпольский С. С. Кирилло-Белозерский монастырь. Л., 1979. С. 35.

¹³ Преображенский М. Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891. С. 44. Лист 4.